

МОСКОВСКАЯ ВЫСШАЯ
ШКОЛА СОЦИАЛЬНЫХ И
ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

ШАНИНКА

ПУТИ РОССИИ

СЕВЕР — ЮГ. Т. XXIII

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2017

УДК 316.32
ББК 60.561
П 90

П90 Пути России. Север — Юг : Сборник статей. Том XXIII / под общ. ред. М.Г. Пугачевой и В.П. Жаркова. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. — 296 с.

ISBN 978-5-4469-1231-5

В сборнике представлены статьи участников XXIII Международного симпозиума «Пути России. Север — Юг», проходившего 18–19 марта 2016 года. В центре внимания авторов — историков, философов, социологов, географов, культурологов, политологов — региональное многообразие нашей страны. В круг обсуждаемых тем входят вопросы полимаштабного и многоукладного взаимодействия регионов между собой и в глобальном мире, существования периферии и центра, северных и южных столиц; взаимоотношений России с постсоветскими республиками, странами Ближнего Востока, БРИКСа, развитыми и развивающимися странами; виртуализации сторон света в глобальном интернет-пространстве; вопросы методологии исследования социально-пространственной специфики; динамики многообразия оттенков Севера и Юга, ее значения для путей России.

ISBN 978-5-4469-1231-5

9 785446 912315

© Московская высшая школа социальных
и экономических наук, 2017
© Междисциплинарный академический центр
социальных наук (Интерцентр), 2017
© Авторы статей, 2017

Содержание

От редакции 5

Раздел 1. Сибирь и российский север: локальности в мире миров

<i>КАГАНСКИЙ В.Л.</i> Сибирь: локальная российская периферия? Глобальный центр?.....	7
<i>ПИЛЯСОВ А.Н.</i> Арктика: общее и особенное	16
<i>ЗАМЯТИНА Н.Ю.</i> Пульсирующие города и фронтальная урбанизация российской Арктики	22
<i>РОДИГИНА Н.Н.</i> Такие разные Сибири: русская журнальная пресса второй половины XIX — начала XX века о сибирском севере	31
<i>ЖИДКЕВИЧ Н.Н.</i> Современные отходники севера и юга европейской части России	41
<i>ОЛИМПИЕВА И.Б., ТЫСЯЧНЮК М.С.</i> Природа социального партнерства между нефтедобывающими компаниями и коренным населением северных районов (на примере конфликта вокруг парка «Нумто»).....	51
<i>КУКЛИНА В.В.</i> Дороги местного значения в качестве объекта исследований культурной географии	62

Раздел 2. Региональное развитие России в условиях изменений природного и социального климата

<i>НИКУЛИН А.М.</i> Стратегии развития северного Нечерноземья в работах А. В. Чаянова и Б. Д. Бруцкуса.....	73
<i>БРЕСЛАВСКИЙ А.Е.</i> Как меняются российские пригороды? Случай Улан-Удэ	83
<i>ШЕЛУДКОВ А.В., РАССКАЗОВ С.В.</i> Карта многоукладности	93
<i>БОЖКОВ О.Б., ИГНАТОВА С.Н.</i> Формы самоорганизации в сельской местности в условиях институциональной неопределенности	104
<i>СЕРГИЕНКО А.М.</i> Социальная среда внедрения инноваций в сельском хозяйстве: тренды и факторы развития.....	117

НАДЕЖДА ЗАМЯТИНА¹

Пульсирующие города и фронтальная урбанизация российской Арктики

Парадоксально, но Арктика — городской регион, и типичный житель Арктики — горожанин. Большинство городского населения Арктики приходится на Россию, а в самой России Арктика — самая городская часть страны (по состоянию на начало 2016 года в Арктической зоне Российской Федерации 89% населения проживали в городах). Такого уровня урбанизации в России нет больше нигде: в Центральном Федеральном округе доля горожан не превышает 82%, в Северо-Западном — 84,2%; в промышленной Свердловской области в городах проживают 84,5%, в Московской — 81,6%. Уровень урбанизации зарубежной Арктики ниже, однако в абсолютном большинстве арктических территорий мира (кроме Фарерских островов, Нунавута и Северо-Западных территорий Канады) более ¼ населения также живут в городах².

Высокий уровень урбанизации северных территорий известен давно и на первый взгляд легко объясняется ограниченными возможностями для ведения сельского хозяйства (и, соответственно, низкой долей сельского населения). Однако многие условия с точки зрения господствующих теорий урбанистики поставили бы под сомнение саму возможность существования арктических городов — зачастую лишенных агломерационного эффекта, удаленных от основных экономических центров, с «промывным» миграционным режимом.

Арктические города стали предметом особого внимания исследователей сравнительно недавно³. Но арктическая урбанизация до сих пор не получила должного концептуального осмысления.

¹ Замятина Надежда Юрьевна — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

² Arctic Human Development Report: Regional Processes and Global Linkages / Eds. J. N. Larsen, G. Fondahl. Copenhagen: Nordisk Ministerråd, 2015.

³ Пилисов А. Н. Города Российской Арктики: сравнение по экономическим индикаторам // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2011. № 4. С. 64–69;

Говоря об арктической урбанизации, в первую очередь хотелось бы поднять вопрос о ней как об особом феномене, развитие которого детерминировано специфическими социально-экономическими процессами. Арктическая урбанизация может и должна быть осмыслена как своеобразный полигон, фронтальная урбанистики, экстремальные условия которого заставляют искать и находить решения проблем развития городов. Эти проблемы актуальны и для других городов мира, но в силу меньшей остроты решаются в них медленнее, тогда как в Арктике решение этих проблем есть обязательное условие устойчивости и даже выживания.

Классический фронт — это зона ускоренного экономического роста, как правило обеспеченного богатыми ресурсами, впервые в крупном масштабе вовлекаемыми в хозяйственный оборот: земельными, сырьевыми. Однако не обязательно фронт — это освоение незаселенных территорий. Так, например, видный японский экономист М. Фьюджита описал современный фронт в Юго-Восточной Азии, основанный на первичном вовлечении в экономику огромных трудовых ресурсов сельского населения стран этого региона¹. Фронтальный перелом здесь заключается в том, что потребители товаров массового спроса страны становятся их производителями — резко меняется вся система отношений в обществе.

Пилисов А. Н. Города-базы Арктического фронта // Вопросы географии. № 141. Проблемы регионального развития России. М.: Издательский дом «Кодекс», 2016. С. 503–529; Пилисов А. Н. Развитие городов-центров — форпостных баз северного фронта // Вестник СВНЦ ДВО РАН. 2016. № 1. С. 107–118; Швайцер П. Коренные народы и урбанизация на Аляске и на Канадском Севере // Этнографическое обозрение. 2016. № 1. С. 10–22; Heleniak T. Changing Settlement Patterns across the Russian North at the Turn of the Millennium // Russia's Northern Regions on the Edge: Communities, Industries and Populations from Murmansk to Magadan / Ed. by M. Tykkyläinen and V. Rautio. Kikumora Publications University of Helsinki: Helsinki, Finland, 2008. P. 25–52; Heleniak T. Growth Poles and Ghost Towns in the Russian Far North // Russia and the North / Ed. by E. Wilson Rowe. University of Ottawa Press: Ottawa, 2009. P. 129–163; City-region planning for everyday life. Experiences from four Nordic city-regions. NORDREGIO Policy brief. 2015. № 7. URL: <http://www.nordregio.se/en/Publications/Publications-2015/City-region-planning-for-everyday-life/> (дата обращения: 03.12.2016); Proceedings from the First International Conference on Urbanisation in the Arctic Conference 28–30th August 2012, Ilmimarfik, Nuuk, Greenland / Ed. by Klaus Georg Hansen, Rasmus Ole Rasmussen and Ryan Weber. Nordregio Working Paper 2013. No. 6; Sustaining Russia's Arctic Cities: Resource Politics, Migration, and Climate Change / Ed. by R. Orttung. Berghahn Books, 2016; New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions / Ed. by M. Laruelle. Routledge Research in Polar Regions. Routledge: London and New York, 2017 и др.

¹ Fujita M., Mori T. On the dynamics of frontier economies: Endogenous growth or the self-organization of a dissipative system? // Annals of the regional science. 1998. № 32. P. 39–62.

Фронтир поражает воображение современников: во фронтальных районах за считанные годы растут новые города на месте дикого поля или бедных деревушек, расцветают новые производства, пространство преобразуется радикально. Открываются возможности образования, карьеры, о которых предыдущее поколение и не мечтало. Посмотрим на преобразование Севера в советское время — то был рост на ресурсном фронтире. Но посмотрим и на современный Китай — это рост на фронтире дешевой рабочей силы.

Однако состояние фронтальности обычно быстро проходит по мере исчерпания ресурса (в последнем случае с повышением уровня жизни дорожает рабочая сила). И только в Арктике экономика, институты, организация территории и вся повседневная жизнь сохраняют фронтальные свойства постоянно. Жизнь в Арктике приспосабливается к подвижности, неопределенности, большим амплитудам изменений природных и экономических условий, и эта смена условий, то закрывающихся, то открывающихся новых возможностей составляет особое условие развития городов в Арктической зоне. Важнейшее свойство арктического фронта — его пульсирующий характер, смена ключевого ресурса. Города вновь и вновь, теряя и снова обретая население, остаются центрами освоения обширной территории нередко даже тогда, когда сменяется ключевой ресурс — лес, нефть, стратегическое, транспортное значение и др.

Фронтальные условия — постоянный вызов устойчивому существованию города — этот вызов создает условия для усиленного инновационного поиска. Чтобы фронтальный город существовал, необходимо дать ответ на значительно большее количество вопросов, чем для существования хотя бы и его полного аналога в средней полосе России. Поэтому в арктических городах реализуется присущая городам функция лаборатории инноваций, однако движущие силы этого процесса несколько иные, чем принципы классической урбанистики, выработанные на плотно населенных пространствах Западной Европы и США.

Фронтиром делают Арктику в целом и арктические города, неопределенность — постоянное условие их существования. Неопределенность создается резкими погодными флуктуациями — в том числе влияющими на транспортную доступность (например, из-за погодных условий в Арктике нередко прекращается транспортное сообщение на несколько дней), разрушением вечной мерзлоты. Помимо природных условий, арктические города испытывают влияние неопределенности и в социально-экономической сфере: например, в ре-

зультате резких изменений экономических условий развития (из-за смены путей транспортировки грузов или цен на продукцию).

С социально-экономической точки зрения условия развития арктических городов описываются понятием отдаленности (удаленности). Традиция изучения отдаленности как фактора развития Севера сложилась в нашей стране давно. Еще в 1960-е годы известный северовед С.В. Славин использовал понятие «отдаленность» для определения границ Севера¹; большое внимание уделял удаленности и К.П. Космачёв². Однако начиная с конца 70-х — начала 80-х годов и в современных работах по Северу даже при определении критериев северных и арктических территорий страны удаленность от основной зоны расселения практически не используется (за исключением работ Дмитриевой³, где, впрочем, отдаленность подменяется периферийностью). Между тем в других северных странах, например в Канаде, именно удаленность рассматривается в качестве основного социально-экономического свойства Арктики как специфического региона⁴.

Специфические свойства арктических городов, которые вытекают из удаленности, очень разнообразны, в общем случае их можно описать как исключительную изменчивость, пульсацию во времени и в пространстве.

Так, арктические города испытывают резкие приливы и отливы населения, сопоставимые с миграционными волнами, сопровождающимися стихийными бедствиями. Например, за период с последней переписи населения СССР в 1989 году до 2016 года десятки городов российской Арктики потеряли от 20 до 50% своего населения, а некоторые (Игарка, Певек, Билибино) — более 50%. В то же время 5 арктических городов России выросли более чем на 20%, население одного города, основанного в 1986 году (Губкинский в ЯНАО) увеличилось более чем на 50% и сейчас достигает 25 тыс. человек. Резкие колебания численности населения (и положительные и отрицательные) создают

¹ Славин С.В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. М.: Экономиздат, 1961.

² Космачев К.П. Пионерное освоение тайги (экономико-географические проблемы). Новосибирск: Наука, 1974.

³ Дмитриева Т.Е. Периферийность: содержание, оценка, экономические средства // Проблемы приграничных регионов России. СПб.; М., 2004. С. 43–49.

⁴ Berman M., Lance H. Remoteness, Transportation Infrastructure, and Urban-Rural Population Movements in the Arctic // Proceedings of the International Conference on Urbanisation of the Arctic, Nuuk, Greenland, August 2012, Stockholm: Nordregio, 2012. P. 108–122; Huskey L., Morehouse Th. A Development in remote regions: What do we know? // Arctic. 1992. Vol. 45(2). P. 128–137.

массу проблем в сфере стратегирования развития жилищного фонда, коммунальной инфраструктуры, социальной сферы. Для «нормальных» городов вне зоны Арктики уже одни такие колебания (в основном вызванные миграционными волнами) можно было бы считать «полноценным» стихийным бедствием.

Другие виды пульсаций — распространение вахтовых миграций и ежегодных продолжительных отъездов в отпуск; в пространстве это чередование заброшенных и новых кварталов, резкие провалы между заселенными территориями арктических городов и «пустыми» пространствами и др.

Изучение литературы, а также собственный многолетний опыт натурного изучения социально-экономического развития северных городов позволяет выдвинуть гипотезу о трех группах механизмов, компенсирующих условия удаленности и связанные с ней особенности пространственно-временной нестабильности:

- временная близость, выражающаяся в повышенном уровне развития кратковременных форм деловых, информационных контактов; сравнительно частые выезды на большие расстояния;
- распространение универсальных решений, комплексность;
- повышенная креативность, адаптивная способность, вынужденная установка на открытость к эксперименту.

Временная форма близости — наиболее очевидный «ответ» на вызов арктической удаленности. В Арктике однако наблюдаются необычные формы ее проявления, помимо классических форм временной близости — например, научных конференций, способствующих перетокам знания. Одна из форм — временный характер самой жизни в Арктике, установка на проживание в арктических городах на протяжении нескольких лет или даже десятилетий с последующим возвращением в более южные районы страны. Специфика такой стратегии — в сохранении тесных социальных связей с более южными районами, позволяющая поддерживать мощные каналы перетоков знания через социальные сети¹. Одна из специфических наблюдаемых в России форм поддержания социальных связей с более южными районами и одновременно мощный инструмент обеспечения перетоков знания и инновационной подпитки арктических — это, как ни парадоксально, отпуск. Жители арктических го-

родов используют его не только для отдыха, но и для сбора информации по самым разным аспектам жизни — от технических новинок до анализа рынка недвижимости или возможностей обучения своих детей¹.

Что касается универсальности, то речь идет об универсальности как мест, так и людей, что проявляется, например, в более широком распространении стратегии совместительства при выборе работы².

Креативность арктических сообществ пока наименее изученное; исследований в данном направлении немного³. Очень интересная трактовка удаленности содержится в антропологических работах: речь в них идет о том, что удаленность от основных центров создания ценностей способствует творчеству: «Удаленные места... полны инноваторов. Это связано с тем, что прогресс всегда еще только на пути к этим местам и принцип „сделай сам“ становится единственной возможностью совершить рывок вперед»⁴.

Креативность проявляется в бытовых, рутинных практиках, связанных с поиском стратегий утепления жилищ, автомобилей, стратегий перемещения по городу и сохранения тепла собственного тела. Арктические города — это, по сути, коллективная лаборатория арктических сообществ, ведущая коллективный инновационный поиск в выработке решений в борьбе с холодом (например, стратегии поведения владельцев магазинов в отношении тех пешеходов, которые заходят в магазин не покупать, а погреться), в обеспечении быстрой адаптации мигрантов, обеспечении толерантности и др.

Одна из форм креативности, делающая арктические города реальным фронтиром урбанистики — специализированная арктическая

¹ Замятина Н. Ю. Большие регионы на Севере: как периферийность компенсируется социальными связями. // Сибирь: контексты настоящего: сборник материалов международных конференций молодых исследователей Сибири / науч. ред. И. П. Басалаева, М. Я. Рожанский; сост. М. Я. Рожанский; Центр независимых социальных исследований — Иркутск. Иркутск, 2016. С. 165–196.

² Пилисов А. Н. Арктическое предпринимательство как фактор устойчивого развития экономики Ямало-Ненецкого автономного округа: рабочие материалы по проекту 16–46–890363 РФФИ.

³ Пилисов А., Колесникова О. Оценка творческого потенциала российских региональных сообществ // Вопросы экономики. 2008. № 9. С. 50–69; Пилисов А. Н. И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знания. М.: УРСС, 2009; Petrov A. Talent in the Cold? Creative Capital and the Economic Future of the Canadian North // Arctic. 2008. Vol. 61. No. 2. P. 162–176.

⁴ Хамфри К. Изменение значимости удаленности в современной России // Этнографическое обозрение. 2014. № 3. С. 14.

¹ Zamyatina N., Yashunsky A. Migration Cycles, Social Capital, and Networks: A New Way to Look at Arctic Mobility / Ed. by M. Laruelle // New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions, London and New-York: Routledge. 2017. P. 59–84.

архитектура. Условия Арктики уже породили целое направление развития архитектурных поисков¹.

Идеальным арктическим городом в советское время был Норильск: работавшие на поддержание жизнедеятельности города институты способствовали генерации нового знания для страны в целом. Уже в сталинские времена «архитекторы стремились попасть в Норильск, город, который для многих деятелей культуры и искусства, артистов театра и кино, музыкантов стал местом совершенствования своего мастерства»². Именно здесь был разработан ряд новых способов строительства на вечной мерзлоте, приемы арктического сельского хозяйства и озеленения северных городов и др.

Однако в основном вызовы Арктики для города воспринимались довольно узко — преимущественно в отношении природных вызовов: ветров, морозов, вечной мерзлоты³. При этом в большинстве случаев (за исключением отдельных проектов шведа Р. Эрскина, норильских архитекторов А. Шибкова, Я. К. Трушиньша и некоторых других) основное творчество ограничивалось адаптацией и модификацией типовых проектов средней широты под условия Крайнего Севера. Как обличительно писал журнал «Юность»: «Где-то в конце пятидесятых годов до тундры докатил пятиэтажный блочный дом. Специалисты предлагают приспособить, подогнать его к условиям Заполярья. То уширять корпус, то оставить его узким, то ставить меридианально, то широтно, то объединять в „аэродинамические группы“, то дер-

жаться „сплошного замкнутого контура“ периметральной застройки — и все это ради искомой гармонии между европейским городом, механически перенесенным на Крайний Север, и здешней природой и климатом»¹.

Что еще более значимо — данная школа рождалась в индустриальное время (одновременно поиски шли в СССР, Швеции, Канаде) и это отразилось на специфике направлений поисков. Практически все «арктические» архитектурные проекты были ориентированы на усиление дискретности пространства — на максимальную концентрацию населения в месте города, отгороженного стеной от окружающего пространства (Эрскин и последователи); или в форме сооружения гигантского здания-комплекса, по сути вмещавшего целый город (нереализованный проект Александра Шипкова для Норильска). Эти проекты совершенно игнорировали вызов дискретности во времени — они полностью неадекватны ситуации колебаний численности населения.

Другие аспекты арктической урбанизации практически не затронуты — в первую очередь это поиск ответов на вызов динамичных изменений численности населения. Высокая зависимость от внешних факторов развития, от сырьевых отраслей, «караванная» природа многих арктических городов (далекие и зачастую безальтернативные, недублируемые «плечи» транспортного сообщения) делают периодические колебания численности населения арктических городов их постоянной и неизбежной, «врожденной» особенностью. Поэтому здесь необходим новый, неопробованный путь планировки. Пока в российской Арктике встречаются две крайности. С одной стороны, это попытки выстроить арктические города как полные аналоги городов средней полосы России — с помпезной «сталинской» архитектурой в середине XX века и с бетонными многоэтажными домами, а то и небоскребами в более позднее время, с широкими улицами и площадями невзирая на ветер и снежные заносы — «по последней моде» внешних, заимствуемых для Арктики образцов (это черта именно советской и российской арктической урбанизации). С другой — это обилие временного, ветхого жилья, возводимого и заселяемого вынужденно, «в ожидании» появления дорогих, возводимых из завозных материалов и не приспособленных к местным климатическим условиям, но «нормальных» бетонных многоэтажек. Очевидно, что

¹ Дом в Заполярье // Юность. 1976. № 7 (июль). URL: http://how-much.net/publ/z/dom_v_zapoljare/12-1-0-1113 (дата обращения: 03.12.2016).

¹ Jull M.G., Cho L.S. Architecture and Urbanism of Arctic Cities: Case Study of Resolute Bay and Norilsk // Arctic Urban Sustainability Conference, May 30–31, 2013 (The George Washington University, Washington, DC). URL: http://www.gwu.edu/~ieresgwu/assets/docs/JULL_CHO_%20Architecture%20Urbanism_of%20Arctic%20Cities_FINAL_X.pdf (дата обращения: 03.12.2016).

² Слабуха А. Зодчие Норильлага («групповой портрет» — из некоторых цифр статистики) / Материалы международной научной конференции «MONUMENTALITÀ & MODERNITÀ. Архитектура и искусство Италии, Германии и России „тоталитарного“ периода», Санкт-Петербург, 30 июня — 2 июля 2010 г. // Капиталь. 2010. URL: <http://kapitel-spb.ru/article/%d0%b0-%d1%81%d0%bb%d0%b0%d0%b1%d1%83%d1%85%d0%b0-%d0%b7%d0%be%d0%b4%d1%87%d0%b8%d0%b5-%d0%bd%d0%be%d1%80%d0%b8%d0%bb%d1%8c%d0%bb%d0%b0%d0%b3%d0%b0-%d0%b3%d1%80%d1%83%d0%bf%d0%bf%d0%be%d0%b2/> (дата обращения: 03.12.2016).

³ Jull M.G., Cho L.S. Architecture and Urbanism of Arctic Cities: Case Study of Resolute Bay and Norilsk // Arctic Urban Sustainability Conference, May 30–31, 2013 (The George Washington University, Washington, DC). URL: http://www.gwu.edu/~ieresgwu/assets/docs/JULL_CHO_%20Architecture%20Urbanism_of%20Arctic%20Cities_FINAL_X.pdf (дата обращения: 03.12.2016); Шубенков М.В., Благодетелева О.М. В поисках градостроительных принципов развития северных поселений // Градостроительство. 2015. № 3 (37). С. 76–81; Arctic design group. URL: <http://arcticdesigngroup.org/ARCTIC-DESIGN-GROUP> (дата обращения: 03.12.2016).

нужны промежуточные формы, эксперименты с быстро возводимым (но комфортным) и легко трансформируемым жильем. Именно Арктика буквально самой природой предназначена для новых архитектурных разработок — в том числе в духе конструктивистской архитектуры 1920-х годов с ее идеями подвижности, трансформируемости (знаменитые «жилые ячейки» Гинсбурга и Барща в проекте «Зеленого города»¹ и др. Арктическая архитектура — архитектура подвижной и текучей «Культуры Один» (по выражению В. Паперного)².

В Арктике такие эксперименты востребованы, казалось бы, самой жизнью, и именно из Арктики отработанные модели могли бы впоследствии распространиться в другие районы, хотя бы в форме дачного жилья.

В итоге, выделяется три основных направления преодоления удаленности как главного и перманентного вызова развития арктических городов: мобильность (особенно временная мобильность, обеспечивающая временную близость), универсальность и креативность (мобильность ума). Данные три направления должны лечь в основу стратегий устойчивого развития арктических городов. Арктические города вынуждены вырабатывать новые решения по этим направлениям и таким образом сами становятся фронтиром урбанистики, зоной наработки актуальных стратегий преодоления проблем других городов мира, для которых аналогичные проблемы — перманентные для арктических городов — являются единовременными, неожиданными или проявляющимися с меньшей силой.

НАТАЛИЯ РОДИГИНА¹

Такие разные Сибири: русская журнальная пресса второй половины XIX — начала XX века о сибирском севере

В позднеимперский период толстые журналы были одним из основных институтов формирования общественного мнения в России. В условиях отсутствия парламента и политических партий они способствовали консолидации единомышленников, обеспечивали информационный обмен между столичными и провинциальными интеллектуалами, делали экспертное знание по злободневным вопросам «русской жизни» известным как власти, так и обществу, формировали общероссийскую «повестку дня» и в конечном счете общее коммуникативное пространство империи. Выяснение вопросов, что, когда, кто и в связи с чем писал о сибирском севере и о региональных различиях севера/юга Сибири не только расширит наши представления о том, как регион воспринимался образованными русскими, но и позволит понять, осмысливалась ли Азиатская Россия в позднеимперский период в цивилизационной оси «север — юг».

В качестве источника использовались ежемесячные общественно-политические и специализированные журналы изучаемой эпохи. Чтобы выяснить степень актуальности сюжетов о сибирском севере я обратилась к материалам составленного мною и моими коллегами по кафедре отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета указателя «Тема Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX в.»².

Когда начали писать о сибирском севере?

В журналах 1850–1870-х годов топоним «Сибирь» и концепт «север» часто употреблялись как синонимы. Сибирь воспринималась как далекая, суровая, экзотическая страна (без деления на север — юг,

¹ Хан-Магомедов С. М. Я. Гинсбург. М.: Стройиздат, 1972. 182 с.

² Паперный В. Культура Два. М.: НЛЮ, 1996. 384 с.

¹ Родигина Наталия Николаевна — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН.

² Тема Сибири в русской прессе второй половины XIX — начала XX в.: Т. 2. Репрезентации Сибири в еженедельных журналах второй половины XIX — начала XX в. Новосибирск, 2014.